
ЧАРЛИ

Май 1947

Саутгемптон

В Англии первой меня встретила галлюцинация. Я привезла ее с собою на борту безмятежного океанского лайнера, который доставил меня, омертвелую от горя, из Нью-Йорка в Саутгемптон.

В отеле «Дельфин» мы с матерью сидели за плетеным столиком под сенью пальм в кадках, и я старалась не верить собственным глазам, убеждая себя, что окруженная чемоданами блондинка возле стойки портъе вовсе не та, за кого я ее приняла. *Это просто какая-то англичанка, которую ты никогда не видела*, — говорила я себе, но мозг мой упрямо твердил: *да нет же, ты не обозналась*. Я отвела взгляд от девушки и сосредоточилась на трех молодых англичанах за соседним столиком, вознамерившихся сэкономить на чаевых официантке.

— Ну что, пять или десять процентов? — Парень в университетском галстуке помахал счетом, приятели его рассмеялись. — Вообще-то я даю на чай только симпатичным. А у этой ноги-спички...

Я ожгла их взглядом, мать же ничего не замечала.

— Май, но как же забко и сыро, *mon Dieu!* — Она развернула салфетку. На фоне гор нашего багажа мы являли собой разительный контраст: наряд матери весь такой женственный и воздушный, благоухающий лавандой, а на мне все мягое и надето сикось-накось. — Распрями плечи, *cherie*. — С замужества мать жила в Нью-Йорке, но до сих пор орошала свою речь французскими словечками. — Не горбись.

— В этой штуковине не сгорбишься.

Корсет меня сковал, точно стальной обруч. Сложением я тростинка, и он мне ни к чему, но без него силуэт моей пышной юбки будет неправильным, а посему я закована в железо. Черт бы побрал этого Диора с его «Новым обликом»! Мать всегда одевалась по самой последней моде, чему способствовала ее фигура: хороший рост, узкая талия, соблазнительные изгибы. Конфетка в просторном дорожном костюме. Я же утопала в своем оборчатом наряде. 1947-й был адом для тщедушной худышки вроде меня, не вписывающейся в «Новый облик». Кроме того, он был адом для всякой девушки, которая математические задачи предпочитает журналу «Вог», а Эдит Пиаф — Арти Шоу, для девушки, у которой нет обручального кольца, но уже слегка округлился живот.

Я, Чарли Сент-Клэр, идеально соответствовала всем трем позициям. Вот еще из-за последней-то мать и заковала меня в корсет. Я была только на четвертом месяце, но матушка подстраховалась, чтобы никто не узнал, какую шлюху она произвела на свет.

Украдкой я оглядела гостиничный холл. Блондинка все еще была у стойки, а мозг мой по-прежнему увещевал, что мне не померещилось. Я сморгнула и отвернулась. К нам подошла улыбчивая официантка:

— Будете полдничать, мадам?

У нее и впрямь тощие ноги, подметила я, когда она отбыла с нашим заказом. Парни за соседним столиком все еще высчитывали размер чаевых:

— Так, с нас по пять шиллингов. Значит, хватит ей и двухпенсовика...

Вскоре прибыл наш чай — на подносе дребезжали расписные фарфоровые чашки.

— И капельку молока, пожалуйста, — лучезарно улыбнулась мать. — *C'est bon!*

По правде, полдник был вовсе не хорош: черствые булочки, заветрившиеся бутерброды, ни крупинки сахара. День Победы отметили уже два года назад, но в Англии по-прежнему действовало нормирование продуктов, и меню даже роскошного

отеля не позволяло сделать заказ дороже пяти шиллингов на человека. Здесь еще ощущалось похмелье от войны, неведомое Нью-Йорку. По холлу слонялись мужчины в военной форме, флиртовавшие с горничными, а час назад, сходя с корабля, я отметила разбомбленные дома, придававшие улице вид милой, но щербатой улыбки. По дороге от причала до отеля у меня сложилось впечатление, что измученная войной Англия до сих пор пришиблена и не оправилась от жуткого шока. Совсем как я.

В кармане серо-лилового жакета я нащупала бумажку, которая последний месяц всегда была при мне, перекочевывая из дорожного костюма в пижаму. Я не знала, что с ней делать. А что тут сделаешь? Бумажка эта казалась тяжелее плода, который я носила в себе. Его-то я совсем не чувствовала, он не вызывал абсолютно никаких эмоций. Меня не тошнило по утрам, мне не хотелось горохового супа, заправленного арахисовым маслом, — ничего такого, что характерно для залетевшей девушки. Я просто замерла. Я не могла поверить в этого ребенка, потому что ничего не изменилось. Кроме всей моей жизни.

Парни бросили на столик несколько монет и встали. К нам поспешала официантка с молоком, и шла она так, словно каждый шаг ее отзывался болью.

— Прошу прощения! — окликнула я. Парни, собравшиеся уходить, обернулись. — По пять шиллингов с человека, значит, всего пятнадцать, и пять процентов от этой суммы дают девять пенсов. Чаевые в десять процентов составят шиллинг и шесть пенсов.

Парни опешили. Я уже привыкла к подобному отклику. Все думают, что женщины вообще не умеют складывать, даже такие простые числа, да еще в уме. Но в Беннингтонском колледже я изучала математику и хорошо разбиралась в цифрах, которые организованы, разумны и, в отличие от людей, легко постижимы: любой счет я могла подбить быстрее арифмометра.

— Девять пенсов или шиллинг и шестипенсовик, — устало повторила я. — Будьте джентльменами. Оставьте шиллинг и шесть пенсов.

С кислым видом парни ушли.

— Шарлотта, это очень невежливо, — прошипела мать.

— Почему? Я сказала «прошу прощения».

— Не все дают на чай. Тебе не стоило вступать. Назойливых девушек никто не любит.

А также девушек, изучающих математику, беременных и... Но я смолчала, ибо стычки меня чересчур утомили. Пересекая Атлантику, мы с матушкой в одной каюте провели шесть дней — дольше намеченного из-за штормившего океана, и все эти дни были наполнены буйными склоками, которые сменялись еще более противной корректностью, жидившейся на моем пристыженном молчании и раскаленной, но безмолвной ярости матери. Вот почему мы ухватились за возможность провести хоть одну ночь вне корабля — останься мы в узилище каюты, стали бы бросаться друг на друга.

«Твоя мать всегда готова на кого-нибудь напустить», — когда-то давно сказала моя французская кузина Роза, после того как маман минут десять распиналась из-за пластинки Эдит Пиаф: *эта музыка не для девочек, она неприлична!*

И вот теперь я совершила нечто гораздо непристойнее, чем увлечение французским джазом. Оставалось только заглушить в себе любые чувства и всех отшивать, вызываяще вскинув подбородок — мол, *мне все равно!* Это срабатывало на невежах, зажимавших чаевые, однако мать легко пробивала мою защитную скорлупу.

Сейчас она толкла воду в ступе, браня нашу поездку:

— ...так и знала, нужно было отправиться другим рейсом, который доставил бы нас напрямиком в Кале, без этого дурацкого захода в Англию.

Я молчала. Ночь проведем в Саутгемптоне, утром будем в Кале, а затем поездом отправимся в Швейцарию. В клинике городка Вева мать договорилась о конфиденциальной процедуре. *Будь благодарна, Чарли,* — в несчетный раз сказала я себе. — *Она ведь могла и не ехать с тобой.* В Швейцарию меня могли отправить под приглядом отцовской секретарши или какого-нибудь другого равнодушного помощника на жалованье. Матери не было нужды жертвовать своим обычным от-

дыхом в Палм-Бич и самой сопровождать меня к врачу. *Она здесь, с тобой. Она старается.* И я это ценила, даже окутанная злым и жарким маревом своего позора. Мать вправе беситься и считать меня оскандалившейся потаскухой. Так называют женщин, угодивших в подобную передрагу. Пожалуй, надо привыкать к этому ярлыку.

А мать все говорила, нарочито оживленно:

— Я думаю, можно будет съездить в Париж. После твоей Процедуры (всякий раз казалось, что она произносит это слово с прописной буквы). Приоденем тебя, *ma p'tite*. Соорудим тебе новую прическу.

По правде, вот что она говорила: *Осенью ты вернешься на учебу в новом шикарном облике, и никто не прознает о твоей Маленькой Неурядице.*

— Вообще-то, *tatan*, уравнение не сходится.

— О чем ты, скажи на милость?

Я вздохнула.

— Если из одной второкурсницы вычесть одну маленькую помеху, результат поделить на шесть месяцев жизни, а затем умножить на десять платьев от Диора и новую прическу, мы не получим волшебного равенства с одной восстановленной репутацией.

— Жизнь — не математическая задача, Шарлотта.

Жаль, иначе я бы справлялась с ней гораздо успешнее. Я часто мечтала об умении разбираться в людях так же легко, как в цифрах: только приведи их к общему знаменателю и решай. Числа не лгали, но всегда давали ответ, верный или ошибочный. Так просто. А в жизни все непросто, и у нынешней задачи ответа нет. Сплошная неразбериха: в «дано» Чарли Сент-Клэр и ее мать, у которых нет общего знаменателя.

Матушка прихлебывала жидкий чай и радостно улыбалась, буравя меня ненавидящим взглядом.

— Пойду узнаю, готовы ли наши комнаты. Не горбись! И не спускай глаз с баула, в нем бабушкин жемчуг.

Она отплыла к длинной мраморной стойке, за которой суетились портье, а я подняла с пола свой маленький, выдавший виды дорожный баул — купить красивый новый мы уже не